

Антін Мухарський ПРЕДСТАВЛЯЄ

ИПАТИЙ ЛЮТЫЙ
(КАЗАНСКИЙ)

СКАЗКИ РУССКОГО МИРА

БЕСПОЩАДНЫЕ,
НО СО СМЫСЛОМ

18+

 FOLIO

Ипатий Лютый (Казанский)

**Сказки русского мира
(беспощадные, но со смыслом)**

«ОМІКО»

2015

ББК 84(4УКР)

Лютый (Казанский) И.

Сказки русского мира (беспощадные, но со смыслом) / И. Лютый (Казанский) — «ОМКО», 2015

ISBN 978-966-03-7398-3

«Сказки русского мира» – книга, которая в самое ближайшее время развалит российскую путинскую квазиимперию, потому что бьет прямо под дых, если изволите, метит в сакральные места и псевдодуховные скрепы, разрушая пропагандистские мифы, советские и постсоветские клише и штампы, наносит ответный удар подлости, хамству, лжи, лицемерию, которые воцарились как на царском троне, так и в душах царских подданных и правят свой бал в стране, которая все дальше и дальше отдалается не только от цивилизованного мира, но и от элементарных правил приличия, с каждым днем все больше напоминая зарвавшегося гопника, который, нацепив на адидасовский костюм георгиевскую ленточку, орет про «крымнаш», «дедывоевали», «укроповжечьяпалмом» и «америкув радиоактивный пепел». Предупреждение: эту книгу следует читать осторожно! Возможен культурологический шок! Запрещено читать людям без чувства юмора!

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7398-3

© Лютый (Казанский) И., 2015

© ОМКО, 2015

Содержание

Один на один с империей	6
Сказки из цикла «Русский Ибунт»	7
Сказ о том, как Тугарин-Каловрат великодержавным российским шовинизмом заразился	7
Как Вован-Ботан над собственной матушкой надругался	15
Сказ о бурятском паспорте и радиоактивном полонии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ипатий Лютый (Казанский)
Сказки русского мира
(беспощадные, но со смыслом)

© А. Мухарский, 2015

© Н. Гончаров, художественное оформление, 2015

Один на один с империей (Авторское предисловие)

Эти рассказы я написал ровно за двадцать восемь дней – в июле-августе 2015 года. Когда при помощи друзей оказался в Украине, ибо спецслужбы на Родине мне «шьют» 282 статью УК ФР (экстремизм и разжигание межнациональной розни). И это лишь за то, что периодически на разных сайтах позволял себе достаточно откровенную критику в адрес путинского режима, криминального слияния криминального капитала и власти, ограничения личностных прав и свобод граждан в нашей стране.

Я никогда не состоял ни в каких организациях и товариществах, исповедуя базовую для меня индивидуалистическую модель поведения в личной, творческой жизни и социуме. Я всегда сам отвечал за свои поступки и брал на себя ответственность за все сказанное и сделанное. Однако такие люди опасны для коллективного сознательного и бессознательного возрождающейся страшными темпами неототалитарной путинской Империи, готовой в любую минуту развязать Третью Мировую войну. Я люблю свою Родину и не могу спокойно смотреть, как она катится в пропасть, ведомая убудочным шизофреником-коротышкой и его стаей. Мне не дано предугадать, когда именно и в каком месте разорвется слабое звено народного терпения, но то, что русский бунт – бессмысленный и беспощадный – станет реальностью ближайшего времени, не вызывает у меня сомнения.

Авторство «сказок», напечатанных в этой книге, не принадлежит мне полностью. Каждое утро я со страхом и благоговением садился за монитор компьютера, создавал новый файл и замирал в ожидании чуда. У меня не было замыслов относительно сюжетов, героев и общей атмосферы рассказов. Я писал название, начинал новую строку, а далее все случалось само собой. Ощущение, будто кто-то надиктовывает тебе текст, доселе казалось мне чем-то из области inferнальной фантастики. Теперь же оно мне известно. И только время прояснит, что на самом деле означало это «чудо».

Очень хочется верить, что эта книга приблизит конец лживой, агрессивной и уродливой квазидержавы, в которую превратилась моя любимая Россия. Говорят, что самая страшная тьма бывает перед рассветом. Возможно, он уже близок.

Спешу выразить свою благодарность моим украинским друзьям, стараниями которых я оказался в Украине-Руси, и которые помогли мне организовать проживание, досуг и рабочее пространство. Антону Мухарскому, Елизавете Бельской и моему вдохновителю – профессору антропологии и по совместительству двоюродному брату Оресту Лютому.

Слава Украине!

Пусть живет вольная Россия!

Вместе победим!

С уважением и пожеланием нескучного чтения – Ипатий Лютый (Казанский)

Сказки из цикла «Русский Ибунт»

Сказ о том, как Тугарин-Каловрат великодержавным российским шовинизмом заразился

Ой не солнушко то за хмарами кобенится, не месяц ясный главушку свою к небокраю клонит, то Ипатий Лютый сказ свой посконный начинает, чтобы люд крещеный словом матерным потешить, на низменных чувствах животных разыграть.

Ибо зверь – человек. А русский человек и подавно.

Хоть культурой классической прикрывается, всяких там Достоевских и Пушкиных к месту и не месту поминаючи, а в душе, знай себе, – настоящий варвар.

Все вокруг для него – враги.

Весь мир плох да не так устроен. И то не так, и это не эдак, даже когда хорошо все. На этом стояла и стоит земля Русская, этим правилом и душа посконная руководствуется.

И все ту душу рвет на клочья, ломает да выворачивает. Отчего, бывает, напьется русский человек водки, и учинит такой срам, что светила небесные по двенадцат дней от стыда из-за туч лик свой ясный не кажут.

Затем придет в храм, по полу катается, иконы святые лобызает, челом бьет, «Мерседесы» с «Ренж Роверами» попам отписывает, чтоб замолили грехи его страшные. А попы тому и рады. Маммоны набивают да с ухмылкой приговаривают: «Не согрешишь, не покаешься».

Так и растет благосостояние церкви на грехах людских куполами золотыми да богатством вычурным самому Богу себя противопоставляючи. Чхать попы хотели на заповеди. Аки юдеи жидкобородые, одной рукой прибирают к рукам своим краденое, а другой – лукаво крестятся: «На все, Господи, воля твоя!»

Психически не стоек, раздрызган русский человек. А все потому, что в душе уцербен. Будто надвое разделен. С виду вроде классический европеоид, немец какой или швед, а в душе урюк черномазый – хитрый, мстительный, дикий да малообразованный. Брехливыми новостями, «Поле чудес», шансоном да сериалами про ментов воспитанный. Оттого и ухмылочка у него на харе всегда мерзкая, подозрительная, глазенки настороженные, манера поведения хамская. Напускной самоуверенностью комплексы свои да отсутствие элементарной бытовой культуры прикрывает. Будто хватит его кто за плечо, тряхнет добренько и скажет: «А ну-кася, русский человек, варваров сын, на кой ляд ты в Европу приперся? Катись отсель в свою Сызрань, Нальчик или Нижний Тагил. Мишу Круга слушать, песни “Любе” в караоке орать да “День Победы” славить. Там тебе самое место!»

Налицо, как говорится, когнитивный диссонанс, от которого все беды внутренней и внешней политики государства российского происходят. Никак не может сердечное определиться: «Европа оно или Азия»?

Ибо согрешила Европа с Азией и получилась Россия. Ни то ни сё. Хуй знает что! Головная боль всего мира.

Ну да ладно! Хватит тут антимионии разводиться, триндеть бесцельно, народу в социальных сетях уподобляясь. Пора и сказ лютый начинать.

Давно это было.

Пять тысяч восемьсот пятьдесят лет прошло от сотворения мира, как в лето года 1240-го от Рождества Христова опять напал на землю Русскую проклятый Змей Тугарин-поганище.

К стольному граду Киеву приблизился.

А до того и Тверь, и Рязань, и Коломну со многими городами с лица земли стер. Попалил посады полымьям, люд обездоленный в полон угнал. Князей, витязей славных с ратью несметной покрошил, как красный комиссар жителей украинской деревни (согласно свидетельствам шоумена Ивана Урганта, программа «Смак», апрель 2013 года).

А жен ихних взял силою да многих обрюхатил.

И понесла земля русская от чудища Тугарина. И размножился поганский род без числа и меры, и назвался московитами.

Токмо по приказу царя шалопутного, боярам столбовым самочинно бороды сбривавшего, Перта свет Первого Алексеича, была переименована Московия в Русь Святую, а история вся предыдущая переписана в угоду государеву. Вот так с умыкания названия да подтасовки фактов исторических началась судьба Россиюшки, которая только номинально Русь, а по сути дикой Московией да татарской Ордой оставахоши.

Не минула судьба та горькая вдовушку-молодушку Марфу Станиславовну Коловратову, добру польско-литовскую княжну рода Гедиминова.

Была она замужем за воеводой-витязем Евпатием Коловратом годков эдак пять. Трех детишек народила – Мстислава, Изяслава да Варсофонию. Все еще в младенчестве умерли.

Евпатий же, как былины народные поют, после многих подвигов ратных голову свою буйную в 1238 году от Рождества Христова сложил.

Перед тем как умереть, воскликнул на татаро-монгольском наречии, которое впоследствии очень прижилось на земле русской: «Ебал я вашу маму, чурки косоглазые! Хуй вам в рот, а не Евпатия!»

С этим словом татарским, мужской половой член обозначающим, на устах и полег.

С тех пор слово ХУЙ по земле русской зело размножилось. Много витязей и богатырей, следуя примеру Евпатыюшки, со словом этим в бой шли, с ним же на устах умирали за землю русскую да за веру православную!

Недаром патриарх Гундяй, «Русский мир» возрождаючи, заявил: «Там, где звучит русская речь, – там и Россия!»

Юродивые скоморохи из несистемной оппозиции те слова слегка переиначили и понеслось по свету: «Там, где ХУЙ, – там и Россия».

Правда сия посконная даже детям малым улыбается, которые от родителей своих с глубокого младенчества мат-перемат слушают да жизни на импортных кормовых смесях радуются. Ибо мечтают все, как один, быть богатырями, на Евпатия схожими, ну или, в крайнем случае, на репера Тимати.

А мы тем временем к вдове обернемся лицом, к Марфе Станиславовне (в девичестве Марте Гедимин свет Лифляндско-Корсуньской), которую злой Тугарин насилует. Начинается с этого наша трагедия.

Варвар, хам, колченогий азиат с лицом оспой поколоченным, с куском конины сыровяленной в зубах, член свой немытый к чистой европейской леди тянет, втыкает в чресла и орошает лоно семенем злым, кочевым, мятущимся. Не волей и разумом, а дикими эмоциями и животными инстинктами руководящемся.

Через девять месяцев, как положено, нарождается у нее чадо белое. Лицом лепое, с ручонками цепкими, сильными стройными ножками да голосом зычным и требовательным. На Тугарина-Змея вовсе не похожее.

И называют сие чадо Евпатием в честь убиенного мужа ея, витязя славного Евпатия Львовича Коловрата.

И растет то чадо, ничтоже сумняшеся, молоко из цицки до пяти лет беззаботно попиваяючи, с мамками-няньками в вольном граде Новгороде, куда Марфа от Орды из Киева утекла.

В пять лет украл малец Евпатий на кухне ножичек острый да котенку молодому двух недель от роду бошку и отнял.

«Хотел, – говорит, – посмотреть, что из этого выйдет».

Любопытный, ишь, шалопай.

Недаром люд русский называют «ленивым и нелюбопытным». Потому как лучше так. Ведь если лень свою русский детина победит да, не дай боже, чем еще заинтересуется – всё, конец! Революцию какую или бунт учинит. Полетят головы, реки крови прольются. Познает инфантильный бугай окружающую его действительность. А как кровью умоется, печенку из-под самого сердца выблюет, сядет на печи, заплачет и думу черную думает: «Что же это я подлец наделал? И в кого же я такой убищный, что ни одно дело до пути довести не могу?»

Ну вроде же европеец, ну вроде же белый! Ан нет! Это нутро азиатское, кочевое, варварское в нем клокочет. Встанет, крикнет громким голосом от отчаяния и безысходности: «Пропади ты все пропадом!» – да в омут с головой и кинется. Однако не утонет. Мудрому человеку понятно, по какой причине. Потому что русский народ непотопляем! Как и то, о чем вы подумали. Но к делу!

После убийства котенка безвинного много еще ужасов совершил Евпатий во младенчестве: муравейники бензином жег, голубям лапы отрывал, птенцов живыми в печи запекал, а жаб и мышей препарировал без меры. Рыбок золотых, бесценных, говорят, желанья исполняющих, из мамкиного аквариума повыволовил и наслаждался, как они без воды задыхаются.

И не было ему большего удовольствия, как вид мучающейся перед смертью твари.

В отрочестве же, лет с девяти, когда елда у него прочно вздыбилась, начал и на баб внимание обращать.

Сперва изнасиловал няньку свою старую, беспомощную, insultом разбитую. Хоть и мычала та что-то, правой частью лица знаки какие-то подавала, засадил ей Евпатий по самые, как говорят, помидоры, во все имеющиеся отверстия. И только потом понял, на что намекала старая ведьма, глазом своим слезящимся быстро помаргивая. Хотела, чтобы перевернул ее на живот, на колени поставил и со спины взял.

«Так для ребенка лучше, удобнее, чем на харю мою старую во время коитуса смотреть!» Вот же добрая душа, Арина Родионовна!

С тех пор начали за глаза его называть Ебатий Каловрат.

Всех греховных пождений добра молодца с той поры и не пересказать. Обратимся только к самому главному в его биографии.

Случилось это ни много ни мало лет эдак семьсот пятьдесят тому, когда Ебатию уже лет за двадцать перевалило.

Как-то возвращался он в близкую его сердцу Мокшу из поруганного им же Чернигова лесами дремучими, белорусскими в которых даже партизаны былинные еще не водились.

Забрел в такую топь да глухомань, что от ветвей косматых день ночью казался. Глядь: впереди просвет виднеется, а за ним – полянушка. А на полянушке избушка стоит на курьих ножках, задом к нему повернутая.

Хотел, было, воспользоваться этой уже привычной ему женской позицией, да вдруг избушка сама по себе развернулась, а из нее Баба-Яга на крыльцо – шась! А страшная такая! Похлеще Ирины Аллегровой будет.

«Так и так, – говорит, – добрый молодец, видела тебя в шаре волшебном, знала, что ко мне приближаешься, ибо наша встреча судьбой предопределена. А коли исполнишь мое желание, открою тебе тайну бессмертия!»

Ухмыльнулся богатырь, шелкову бородушку погладил, ногу из стремени выпростал и говорит бабе:

– Знаю, старая блядь, все твои желания! Доставай презервативы, чтоб заразы от тебя какой не подхватить, ибо очень мне тайну бессмертия узнать хочется!

Совершили они тогда противоестественный половой акт. Понравилось бабе.

– Ну, – говорит Каловрат, – теперь и ты свое обещание исполняй. Открывай тайну моего бессмертия!

А Баба-Яга все юлит, от прямого ответа уходит. Стыдно ей, мол, такой срам в очи витязю говорить.

Тогда привязал ее Ебатий к стулу дубовому, выточил осиновый кол и в промежность загнал. Завыла, застонала старая ведьма, множественный оргазм получила, да только в лицо ему от счастья рассмеялась.

Видит богатырь: не работают эти европейские книжные схемочки.

Решил тогда Бабу-Ягу интеллектуально унижить. И давай ее губы, гелем накачанные, сиски силиконовые, жопу подтянутую высмеивать, да убогость обстановки, основу которой составляла фейковая китайская мебель. Но больше всего он прикалывался над фотографиями, где она красовалась на фоне турецких и египетских курортов со всеми этими верблюдами, кальянами, ресторанами да капитанами яхт на фоне Анатолийского побережья.

Не снесла этого ведьма. Обиделась.

– Ну, раз так, – говорит, – открою тайну твоего бессмертия. Ибо думала, ты приличный молодой человек, а ты мажор, циничный ублюдок и маменькин сынок. Так вот, слушай: быть тебе бессмертным, если ты собственного отца поимеешь!

Сказала, как отрезала.

– Ты чего, бабка, Фрейда обчиталась? – возмутился богатырь, а потом сел и закручинился.

Не знал ведь Ебатий правды всей, которую ему мамки-няньки рассказывали. Говорили, что он сын самого Евпатия Львовича, который в 1238 году от рук монголо-татарских фашистов погиб под Вязьмой. Да только год рождения у него в метрике записан 1241-й. Не складывается что-то. Не могла меня реально мамка три года в брюхе носить?

– Так отец же мой на Вязьме-реке, возле Ржева погиб?

– Обманули тебя, сиротинушка! Жив твой отец. Вот теперь тебе и загадка непростая, жизненная: отыщешь его, поимеешь противоестественным путем, значит, быть тебе бессмертным. А нет – так на себя и пеняй! Сгниют твои кости в безымянной могиле где-нибудь на территории былинной Новоросии. И поделом. Ибо ты моральный урод еще тот!

Вот такое продолжение трагедии.

На том диалог и закончился.

Хватил Каловрат старуху по голове боевым топором. Деньжонки кое-какие мелкие стирал, сел на коня и укатил себе восвояси очень душевно мучаясь и задаваясь вопросом: «Пидар ли я галимый или право имею собственного отца отыметь?»

По мотивам этой истории Федор Михайлович Достоевский шестьсот лет опосля роман свой наиизвестнейший напишет «Преступление и наказание». Но это к делу не относится!

Долго ли коротко ли путешествовал Ебатий Евпатиевич землями мерскими, чудскими да мокшанскими, землями дикими угро-финскими, что потом Московиею стали зваться. Промышлял там грабежами да убийствами, мелкую утварь, «Мерседесы» старые да «беемвешечки» у народа местного отжимаючи. Сбывал их у барыг зазнобливых за какую копейку несчастную. А как деньжонок подкопил, так в вольный град Новгород погулять и пожаловал.

Три дня и три ночи гудел добрый молодец, в казино да ресторациях бесчинствовал.

«Гитлер капут!» – орал до изнеможения, танцевал голым с официантками, нюхал гадость белую кокаиновую, музыкантам сыпал под ноги сто долларовыми купюрами, чтобы тешили душу «Бутырочкой», «Муркой», «Золотыми куполами» да песнями старыми душевными, «Надежда» и «Яблони в цвету» называются.

Как пропился, прогулялся до изнеможения, так к мамке своей, что в монастыре жила Святого Успения, и наведалься.

Сначала спросил ее по-хорошему:

– Где богатства монастырские прячутся?

Отказала ему матушка в ответе. Тогда гвоздями к стенке прибил ее ручки да уже начал выпытывать посерьезнее.

Все молчала, терпела старая женщина, кровью праведной обливаясь, а потом и сказала сыну-извергу правду горькую, жестокою:

– Согрешила я по молодости со Змеем проклятым, со Тугариным. Силой взял меня супостат под Киевом. Тогда то и надо мне было с кручи днепровской головой вниз кинуться. Да слабовольною была, слабохарактерной. Не посмела учинить над собою лихое. И дитя уж, то есть ты, гад ублюдошный, в сердце и печеночку меня ручками да ножками своими поколачивал. Утекла тогда в вольный град Великий Новгород. Думала жизнь переписать, начать ее с листа нового. А оно вона как всегда получается! Догоняют тебя грехи старые. Гвоздями к стенке приколачивают да люто не по-детски измываются!

– Что ж ты, курва-мать, от меня правду-то скрывала? Все брехала, будто носила меня три годика. Все терпела-ждала из похода мого батюшку? – заметался в истерике Ебатий Евпатыевич. – Вот оно как оказывается: что отец мой не славный белый человек, воевода рода Каловратова, а узкоглазое колченогое уебище, что Тугариным-Змеем зовется!

Разозлился тогда он нешуточно. Расходился весь. Будучи под воздействием синдрома посталкогольного, в белой горячке да в легком наркотическом опьянении грех совершил непростительный. Порубал на куски свою матушку, а опосля сел и горько закручинился.

«Ебать-копать, – думает, – вот и дожился! Узнал, блеать, тайну своего бессмертия. Значит, мне самого Тугарина нужно выебать, чтобы русским Мак-Лаудом сделаться! Это задачка во всех смыслах былинного богатыря достойная!»

Как встал тогда в полный рост добрый молодец, как развернул плечи свои богатырские, как свистнул, как крикнул играючи:

– Все, пиздец! Войною иду на Тугарина, чтобы этого Змея косоокого в жопу выебать. Воздать подлецу отмщением за поруганную честь моей матушки!

Такая вот хуйня, ребята, получается! Русский человек завсегда во всех своих бедах и трагедиях внешние силы винит. Так ему как-то сподручнее: экстраполировать вектор ненависти во внешние среды и геополитические конструкции.

С той поры завязал Ебатий пить горькую. И наркотиками, стало быть, уж не балуется. Пошел в зал тренажерный гимнастический, где таскает гантели и штангушки. Овладел всеми необходимыми навыками в тайском боксе, карате, многоборьях. Параллельно же изучил теорию концентрации сил, медитации.

Вот не год проходит, не три. Целых десять лет богатырь к походу готовился. За это время храм построил Ильи Муромца, украсил цветами могилу матушки, за три моря сходил в далекую Персию за пером жар-птицы особенным.

Поднял до несказанного уровня все тактико-технические свои характеристики, а главное – план мудрый да хитрый выдумал, позволяющий ему поиметь собственного батюшку.

Тем временем Тугарин-Змей знай в Золотой Орде славно царствовал. Открывал по всем землям захваченным новые улусища. Ярлыки раздавал на княжения тем, кто в ножки ему поклонится, да сапог навозом конским вымазанный облобызает.

Вот и Ебатий весною года 1272-го от Рождества Христова, в ту Орду поехавши, вынужден был пройти через подобное унижение.

– Так и так, – говорит, – есть земелька малолюдная при слиянии рек Москва да Неглинная. Отродясь народ там живет поковерканный, уро-финский, судьбою обиженный. Народилась у меня идеюшка накинуть на них ярмо княжеское. Покорить, поставить церковь малую, брать дань с купцов-перекупщиков, что челны свои тянут волоком. Да служить тебе, Змей, вер-

ной правдою, сапогу твоему вонючему поклоняючись. Я уж и название для княжества выдумал. Называться будет Московия!

Похлопал его Тугарин по плечу:

– Гуд, гуд, говорит Евпатышка! Что это за имя у тебя такое знакомое? Уж не сын ли Евпатия Коловратова, который тридцать пять лет тому сильно нервы мне сделал под Вязмою?

– Господь с вами, – отвечает добрый молодец, – это просто папа с мамой решили так выебнуться. Нет, чтобы назвать меня Сашкою, или хотя бы Сережкою, дали имя типа посконное. Ебатию меня с детства кликали. В школе пиздец как намучился!

– Понимаю, – вздыхает с сочувствием Тугарин-чудище. – Интеллигенция русская на всю голову ебанутая. Корчат из себя европейцев, а ковырнешь слегка, сука, те же татары дикие. Варвары степные евразийские. Но мы-то хоть не прячем нашей сущности. Прямо в очи говорим: да, мы уебища! А они все за культуру, блеать, ховаются. Изобретают всяческие учения, чтоб набать весь мир: типа мы вам очень нужные. На понтах одних да комплексах весь мирок утлый их и держится! Такая моя мысль по этому поводу!

Приближается развязка нашей трагедии.

Поклонился Ебатий Змею на прощание и отправился в постылую Московию, где клещи и комар всюду царствуют да ужи с жабами целуются.

Минула зима в трудах праведных.

Переписал всех угро-финнов в землях своих Каловратице.

– Все, пиздец, – сказал, – отныне вы русские. Приставку «ов» добавьте к своим прозвищам, да креститься научитесь, убогие! В бога верить вовсе не обязательно, но обряды чтить нужно искренне. Мы же со своими возможностями сделаем вам облегчение. Совместим обряды языческие с основами канонического православия. Почитайте Купалу своего, Додуха, Лелей всяких со Снегурками, только куличи пеките поисправнее да в водке себе не отказывайте, чтоб не было среди вас инакомыслия. А как явится такой – сразу в омуте топите либо наверх докладывайте. Вот вам и начальник политуправления. – И на помощника своего показывает.

С тех пор так и повелось в Московии, что люд православный хоть и крестится, веру свою на показ выставляючи, а в душе все идолам языческим молится, по знахарям да бабкам шастает. Водку жрет без мерушки, да стучит на своих же сотоварищей, что иногда мысль выскажут трезвую.

Так и живут с той поры московиты, аки демоны, ничего святого за душой не имеющие, все в дерьме, брехне да похоти, пораженные бациллой шовинизма великодержавного имперского, о котором речь пойдет в нашем дальнейшем повествовании.

Бацилла эта, идея, так сказать, мирового господства, была основополагающим духовным скрепом монголо-татарской нации. Чингизиды всяческие всегда мечтали о великой империи. И жила бацилла эта в каждом лучнике, в каждом пешем и конном воине. Заражались ею половым путем. Ведь начальники, прежде чем принять в часть свою новых бойцов, должны были совершить с ними ритуальный коитус, причем не пользуясь никакими предохранительными средствами. А начальников в свою очередь высшее начальство отчитывало. Традиция эта тоталитарная, где главный начальник весь народ ебет, до сих в российской государственности, что от Орды пошла, крепко сберегается. Не могут народы угро-финские, волею княжеской в русских переписанные без хуя жить крепкого, верховного. Без жесткой вертикали власти жить не могут!

Хотя когда-то была и Русь-матушка настоящей Европою. С народными вече, с городами вольными. Да только подмяли ее под себя татары дикие, а опосля Московия традицию варварскую продолжила.

Во времена Иоанна Грозного вольный град Новгород – последний оплот истинной русской демократии с лица земли стерла. Почти сто тысяч людей вырезала. Вот какова она, настоящая Московия, что все окружающие народы терроризирует, называясь по современному Россию. Все пыжится, кочевряжится, выдавая себя «особой цивилизацией», – а по сути дикая азиатская вотчина, бациллой великодержавного имперского шовинизма зараженная.

Однако слушайте, что дальше-то было!

Как всегда, по весне, вызывал Тугарин-Змей всех подотчетных князей да воевод к себе в Золотую Орду, чтобы выпить с ними, дань получить да как следует вдуть по старинному татаро-монгольскому обычаю.

Поехал туда и Ебатий Евпатиевич, прихватив с собою перо от жар-птицы. Увидел он в одном фильме порнографическом, как одна проститутка американская промежность клиента подобным пером пощекатывала.

И сложился у него в голове хитрый план. А какой? Дальше мой рассказ слушайте.

Упились вином, медами заморскими все гости на пиру у Тугарина. Пришло время перейти к самому главному: «посвящать» в князя добрых молодцев, на Руси князьями ставшими.

Для этого был предусмотрен особый шатер-палаточка, где Змей проделывал культовый акт, лишая их девственности.

Вот подошел черед Ебатия Евпатыевича.

Зашел он, значит, в палаточку, где Тугарин-Змей кумыс особенный с виагрой пьет, да с порога и спрашивает:

– Раздеваться или как?

– Да, – супостат отвечает, – вон шкафчики отдельные стоят. Выбирай любой! Душ прими перед соитием, выпей стопочку анестетика, ибо в первый раз такое проделывать не совсем приятноенько. Много вассалов моих от такой процедуры по-первах обсцыкались. А потом ничего. Во вкус входили да множили подобную процедуру во всех землях от Камы до Вислушки, куда и поныне хуй мой длинный дотягивается.

Пошел тогда Каловрат к шкафчику, да на ходу пером волшебным жар-птицы и поигрывает. Заметил Тугарин движение необычное. Спрашивает:

– А что это там у тебя в руках, добрый молодец?

– Перо жар-птицы волшебное.

– Предназначение?

– Для игр интимных особенных.

– Ухты! Ану, расскажи!

– Да чего уж рассказывать? Давайте лучше покажу вам, Тугарин-батюшка, как оно практически применяется.

Надоумил, значит, отца своего татаро-монгольского занять позицию ракообразную да давай у него по промежности пером водить чудодейственным. Закатило глаза чудо-юдище от ощущений крайне приятных неизведанных да расслабилось, беды не предчувствуя. А беда вот она, рядышком!

Как вскочил на него наш Ебатий, как встроил в Тугарина булаву свою богатырскую, как ввздопило чудище диким голосом:

– Сука, блядь, чего ты, падло, со мною делаешь?

А русский наш славный молодец знай сношает собственного батюшку да приговаривает:

– Вспомни, чудище рогатое, как насиловал тридцать с лишним лет тому мою матушку.

Да куда тебе вспомнить, уроду скудоумному! Заявляю официально: сын я твой, хоть и зовусь Евпатием. Ебатием Каловратом меня народ за глаза величает. Убил ты отца моего потенциального. Обесчестил мою матушку. Теперь пришел мой черед воздать тебе практическим отмще-

нием. Отныне буду зваться Каловратом-Тугариным. По твоей, значит, пойду фамилии, чтобы знали татары подлые, что в скором времени будет возвышаться над ними Рассеюшка. И Казань возьмем, и Удмуртию, и Мордовию с Забайкалием. Ибо заповедала мне Баба-Яга чудная, на Ирину Аллегрову похожая, что как поимею в твоём лице всех азиатских монголоидов, так и начнется с этого момента России возрождение. Могучей, так сказать, евроазиатской цивилизации!

Не знаю, то ли от этих слов, то ли от величия булавы богатырской, то ли просто от старости скончалось на хую у добра молодца поганое чудо-юдище.

Уморил, знать, Ебатище, своего родного батюшку и стал с той поры бессмертен.

Но поскольку презервативом не пользовался, подхватил от имперского татарина уже известную вам хворобу-наказание.

Стал мечтать о мировом господстве, народы да государства окрестные без меры напрягаючи.

Ходит и теперь по России бессмертный наш Каловратище, людей в мозги, уши, глаза и иные отверстия насилуя. Разнося хворь неизлечимую, что зовется шовинистической заразой.

Смотришь, бывало, нормальный человек: в кино играет как Охлобыстушка, кино ль снимает, как Говорушечка, как Михалков, бывает, шевелит своими усищами или, аки Табаков, называет укропов недоумками. И до них добралась елда великодержавная. Не говоря уже о партии и правительстве. Всех поимел богатырь с татаро-монгольской генеалогией, всех заразил проклятой бациллою.

Эх, горька ты, русская судьбинушка, на крови, похоти, подлости да убийствах замешанная, упивающаяся чужими страданиями.

Такова карма твоя метафизическая!

В науку и пример всем народам мира, как делать не надобно! В этом – главная идея национальная и смысл бытия российского.

Сгинь, пропади пропадом проклятое царство имперское, чтоб не осталось от славы твоей лихой и памяти!

Да только бессмертен Тугарин-Каловрат. И хочет уж подохнуть, да небеса одного требуют: «Расскажи всю правду о себе. Упади в ноги, покайся. Может, и простит мир твой злодеяния».

Да только где уж там! Гордыня – как наибольший грех – ему такое сделать не велит.

А смерть Каловрата – в правдушке. Как вытащат ее когда-нибудь на свет, как выставят миру этого черта вертлявого на обозрение, так он от стыда в тартарары и провалится.

Вот и поведал я вам сказочку о «русском мире», низовом, посконном, пропагандистскими трюками не приукрашенном. Ибо я – также часть этого мира, изнутри добре его знающего. Вам же нужно малое – анализировать, сопоставлять факты и информацию, ибо к тем, кто свободно мыслить научен, Тугарину-Каловрату ой как сложно подобраться, чтобы мозг своей елдой великодержавной вынести.

Приятного всем дальнейшего чтения!

Я же борщик пойду есть украинский, с ароматными чесночными пампушками.

Киев, шоль 2015 г.

Как Вован-Ботан над собственной матушкой надругался

Эх ты, Москва, красна девица! Станом стройна, бровями союза, лицом лепа да волею свирепа.

Звезды твои да купола золоченые на полсвета сияют. Люду православному, африканским лидерам, вьетнамцам, Фиделюшке свет Кастратушке, европейским правым да крайне левым путь правильный указывают. Разум от скверны американской очищают, почки и печень лечат, от простатита избавляют, ну и судьбу иногда вещуют.

Не проста ты, людская судьбушка, а московская судьба и того запутанней будет! Говорят люди мудрые, будто основана ты киевским князем Юрием Долгоруким, что и ныне в стольном граде Киеве на холмах печерских почивает. Да только не так это. Все переверали брехуны имперские, супостаты ученые, которые историю государства российского чуть ли не набело по воле царей переписали да за правду истинную выдают. А народ темный, телевизором воспитанный, и до сих пор в эту брехню верит, ибо к добыванию альтернативной информации не приученный. А зачем напрягаться? Вот как скажут что в новостях – то и правда. От того много бед в земле русской творится, начиная от МММ с Леней Голубковым и заканчивая «распятыми в Славянске мальчишками». Так как вырастили целое поколение дебилов, которым только стоит правду сказать, как тут же земля у них из-под ног уходит и когнитивный диссонанс случается.

Вот токмо, бывало, обмолвишься, что, следуя исследованиям российского историка Билинского, Москва была заложена по велению хана Золотой Орды Менгу-Тимура в 1272 году во время переписи оккупированного угро-финского населения при слиянии реки Москвы да Неглинной, то такой крик поднимут, будто Рейхстаг штурмовать собираются. «Нет и быть не может, – говорят, – на Руси святой ни единой альтернативной версии, окромя канонизированных церковью работ Карамзина да Ключевского. Только им и можно верить, по их писанию детей малых учить да в церковно-приходских школах славить. А кто противное говорит – или раскольник, или шпион-педераст, или жид Макаревич и ему подобные».

Однако будет уже про жидов-геев да американский заговор судачить. Пора и сказ правдивый процентов на восемьдесят шесть начинать. А за остальные четырнадцать я не отвечаю.

Жил-был в стольном граде Москве один хлипкий, носатый юноша, с лицом прыщами посеченным, утлым задом да второй стадией сколиоза обиженный. Потомок князей славных Мусиных-Пушкиных, о чем свидетельствовала старая бабушкина метрика от 1910 года на стене в рамочке висевшая. Ту метрику прабабушка (мать ее) после революции в декольте берегла, а как в тридцатые годы людей за прошлые грехи начали забирать, то и куда подале засунула и оттуда уж долгие годы не вынимала. Бабушка вот уже двенадцать лет как померла. А прабабушка знай себе жирует! Сто восемь лет старой карге, а она с подругами по пятницам в преферанс играет да романсы старинные под пианино поет. Такова она настоящая аристократия.

Правда в лютые годы за фамилию Мусин-Пушкин и расстрелять могли с легкостью. Но прабабушка, чтобы участи такой избежать, взяла фамилию попроще да послезливее. Назвалась Аграфеной Францевной Сучкиной. Печника своего верного подговорила, чтобы он перед расстрельной командой во время красного террора ее своей женой признал. В 1918 году это было. Думали, год, два пройдут и выметут красную плесень с земли Русской. А оно вона как вышло! Только при Горбачеве и достала из срамного места дочкину метрику да на стенку в рамочке повесила. А фамилию менять уж не стали.хлопотно это.

Вот и носил потомок славного рода княжеского утлую пролетарскую кликуху. Володей Сучкиным звался. И мать его так звалась, и бабушка. Ибо все мужики, которые на пути княгиням попадались, более соответствовали этой фамилии, так ни разу свои шуры-муры с дамами до законного брака не довели.

Трудно было Володеньке в школе с такой-то фамилией! Да и в консерватории московской, куда он аккурат в разгар горбачевской перестройки поступил, не легче жилось. Ну представьте себе, конференсье со сцены объявляет: «Попурри на темы произведений Мусоргского, Рахманинова, Бородина, Римского-Корсакова, исполняет лауреат международного конкурса балалаечников в Богульме, студент второго курса отделения народных инструментов Владимир Сучкин». Тут, как говорится, – смех в зале и никакого уважения к виртуозной технике исполнения.

Владимир, которому, кстати, прочили успешную музыкальную карьеру, подумывал взять псевдоним. Хотел зваться либо Разгуляевым-Волжским, либо чуток попроще – Эль-Царицыным. Была шальная мысль назваться Раймондом Пугачевым (уж не внебрачный ли сын Аллы от Паулса?), но прабабушке это показалось слишком вульгарным. Версия Мусин-Пушкин даже не рассматривалась, ибо не княжеское это дело на балалайке брынчать.

Весной 1988 года пришла Володе повестка из военкомата. Призывали его на срочную службу, а военной кафедры в консерватории не водилось. Делать неча. Родина, как говорится, зовет. Загребел наш милочка на два года и не куда-нибудь, а в самую настоящую Германию. В Группу советских войск, что покой Европы охраняла.

Было это в начале июля, после двух недель, проведенных в перевалочном лагере возле Коломны. Летели на Запад из Домодедова на огромном военном самолете. И грезилась Володьке чистая и уютная Германия. Офицеры и комсостав все сплошь в элегантных геббельсовских очечях, честь друг другу отдают, о дамах спорят, шампанское дорогое пьют да французскими булками с икрой паюсной заедают. Солдаты же в свободное от стрельбы и игры в крикет время читают Мориса Дрюона, Дюма да Джека Лондона, чьи книжки по талонам за сданную макулатуру выдают. Потом все вместе пьют чай с овсяным печеньем на широких террасах аккуратненьких двухэтажных казарм с белыми занавесочками на окнах.

Реальность оказалась немножечко суровее.

Военный аэропорт Фюрстенвальде – огороженная колючей проволокой в три ряда огромная территория со взлетной полосой, от которой в трех километрах – полевой лагерь. Горячий чай привозят утром и вечером в огромных ржавых чанах и тхнет от него не то хлоркой, не то еще какой-то гадостью, по слухам угнетающей половую функцию, чтобы у солдат от ночных стояков какой беды не приключилось. Живешь в огромных палатках с нарами, сколоченными из грубых занозливых досок. Днем несусветная жара – ночью собачий колотун. Спишь на бугристых тюфяках, укрываясь выданной еще дома шинелькой, подложив под голову кулак. Питаться сухпайками, состоящими из галетного печенья и так называемой тушенки в банках, где вместо мяса в жидкости цвета ежемесячных женских выделений плавают куски серого жира.

От такого рациона запоры у солдат приключались такие, что многие воины из себя по две недели ничего не могли выдавить. Во время испражнений глаза вылазили из орбит, а из кровоточащих анусов вываливались геморройные шишки величиной с гроздь винограда сорта «дамские пальчики». Говорили, что один кент из Волгограда так и умер сручи, от кровоизлияния в мозг.

Но ямы с говном, кишасие миллиардами опарышей, были заполнены под самую завязку. Сказывался эффект присутствия в лагере огромного числа человекообразных существ из Средней Азии, Кавказа, дальнего и ближнего Забайкалья, которые жрали эту тушенку с огромным удовольствием, регулярно испражнялись и с откровенной издевкой в раскосых глазах обсуждали белых братьев, мучающихся от запоров и июльской жары, которая бывает в Самарканде или Кызыл-куме в феврале-марте, когда цветет урюк.

Азиатов было очень много. На три-четыре самолета из европейской части России (включая украинскую, белорусскую, молдавскую и прибалтийские провинции) было по десять-двенадцать рейсов из Душанбе, Улан-Уде, Семипалатинска и даже из Читы.

Этот факт сперва очень удивлял молодого балалаечника. «Ну неужели, – думал он, – нельзя было хотя бы создать иллюзию цивилизационной приближенности СССР к европейской культуре, присылая сюда служить европеоидов из Рязани, Витебска, Жлобина, Даугавпилса или глухой тамбовской деревеньки Сукино-Егорушкино? Зачем тут, в центре Европы, неподалеку от мест, где творили Моцарт с Бахом, Шопен, Вагнер, Эрих Мария Ремарк, Кафка и, извините на слове, Карл Каутский, которого лично в 1907 году отшила в Баден-Бадене прабабушка, ибо позволил себе неуважительно отозваться о семье Романовых. Так вот, зачем здесь вся эта татаро-монгольская гопота?

И только чуть позже Володька начал догадываться о настоящей сути этого вавилонского столпотворения, творящегося в центре Европы.

Три дня в полевом лагере для новобранцев, а до этого две недели под Коломной, без малейшей перспективы, как говорил сержант Акинфиев, «окунуть мудря», иными словами, принять душ или просто помыться в озере. И вот в пять утра человекообразный биоматериал выгружают из телячьих вагонов с нарами в три этажа, где вместо туалета – дырка в полу, и ведут по улочкам уютного прусского городка Франкфурт-на-Одере, в сторону расположенного неподалеку главного распределительного пункта Группы советских войск в Германии.

Нескончаемое цунами лысых черепов в краснозвездных пилотках с грязными рожами в пыльных разводах заливают все окружающее пространство. И уже не поймешь, где голова удмурта, киргиза, хлопкороба, гречкося, токаря второго разряда, философа, филолога или студента третьего курса Московской государственной консерватории имени Петра Ильича Чайковского, Владимира Евгеньевича Сучкина. И каждый одет в форму на два размера большую, в деревянные кирзовые сапоги с вонючими портянками внутри, каждый тянет за спиной набитый говняной тушенкой и галетами вещь-мешок с прикрученной к нему сверху шинелкой. И нет этому цунами конца и края.

Встает солнце. Из окошек аккуратных двухэтажных домиков под черепичными крышами молча выглядывают молодые и не очень женские личики немков. Мужчин нет. Их страна оккупирована и отдана на суд победителей. И поделом!

«Эй, дэвушки, давайте знакомиться!» – выкрикивает из толпы какой-то нацмен с явным кавказским акцентом. Лица исчезают.

А толпа все валит и валит. Для чего это все? Чтобы знала Европа, чтобы знал мир, что там, за высокими заборами военных частей, притаилось полмиллиона варваров, готовых по первому приказу родины оседлать тысячи танков, БТРов, БМП и другой военной техники и двинуть аж до самого Гибралтара.

Дрожи Европа! Дрожи мир! Орда идет! Лютая, страшная, беспощадная татаро-монгольская орда. А хули... Деды воевали!

Определили Володьку служить в военный поселок Вюнсдорф на танковый завод.

Как заехали они в часть на автобусе, так и потемнело в глазах у балалаечника от морд черных да узкоглазых.

Время было вечернее, для отдыха предусмотренное, а значит, солдатам можно было по уставу по территории части шаробиться. Прямо у ворот встречали деды да дембеля новобранцев в часть прибывших. Радовались «черпаки» пол года отслужившие, что теперь не они, а «черепа» да «духи» будут за них в нарядах по кухне да ночных караулах отдуваться. Так к автобусу и лезут, аки черти из повести Гоголя «Вий». Зубы скалят, пальцем по горлу проводят, будто петлю затягивают. «Вешайтесь!» – кричат. И гогочут. Вакханалия однако. Страшно.

В первую ночь их не трогали. Повели в баню. Позволили помыться, а потом уж после отбоя ужином накормили да в отдельной комнате поместили.

Далее же начались будни.

С утра на построении раскидали молодых солдат по подразделениям. Володька в ремонтный цех угодил и тут же после завтрака на работу со всей ротой отправился.

Работа началась с того, что дали ему пизды. За БТР полуразобранный отвели, с ног сбили и кирзачами так по ребрам и голове отходили, что две недели потом кровью харкал. Не взлюбили его с первого взгляда сослуживцы, когда узнали, что из Москвы.

Грузин Биджо так и сказал, за грудки его с земли поднявши: «Масквич, гаварышшиш? Я Москву ебал твою в рот. И маму твою ебал. Понял? Ты тут никто и через мѣсяц повѣсышся, а тыбѣ, чмо, лично веревку намылю!»

Ну месяц, не месяц, а восемь с половиной недель Володька наш в советской армии продержался.

Поскольку хилый был да слабый, с впалой грудью, глубоко посаженными глазами да крючковатым длинным носом, прикрепилось к нему прозвище «ботаник». Сослуживцы по призыву его так и называли Вован-Ботан. А он и не обижался. У других, как, например, у Юлия Бабушкина из Ленинграда, вообще кличка «баба» была.

Тянул Вован службу наравне со всеми: в наряды ходил, с тумбочки мордой об пол с недосыпу падал, комбижир с пола на кухне собственной задницей оттирал, грыжу паховую нажил, траки от танковых гусениц по цеху таская. И это я уже не говорю о ногах в кровь стертых, об ангине фолликулярной, которую на ногах перенес, о перебитом носе и не прекращающихся запорах, что по-прежнему разрывали задницу в ключья.

Только все это цветочки были. Настоящая беда позже приключилась – в день «Приказа об увольнении солдат срочной службы» от 25 сентября 1988 года, подписанного Министром обороны генералом Язовым.

В армии подобное событие завсегда отмечают поголовным пьянством личного состава, хоть по уставу это запрещено. Но прапорщики и офицеры, что, не люди? Понимают, что душе солдатской тоже иногда нужно отдых дать. Святое дело – приказ о дембеле отметить.

В тот прохладный да серый сентябрьский вечер как-то вдруг опустел офицерский штаб раньше, чем обычно. Прапоры-каптерщики тоже восвосяи съебались, и началось веселье.

Закупили старослужащие в складчину самой дешевой немецкой водки «Кристалл» по пять марок за литровую бутылку. Пивом немецким разливным разжились. Заколотили в огромной кастрюле «ерш» по старинному солдатскому рецепту: одна треть водки, две трети пива – и упились так, что всю казарму обрыгали.

А как подступило время к полуночи, зачали старинную дембельскую забаву под названием «Перевод».

Делалось это так: спускал младший по призыву штаны, оголяя пятую точку, а старослужащие медной пряжкой на ремне его по мягкому месту и отхаживали. «Духи-черепа» получали от черпаков по шесть ударов, и с этого момента сами становились «черпаками». Бывшие «черпаки» после двенадцати ударов от дедушек сами превращались в «дедушек». Ну а «дедушки» после восемнадцати ударов от «дембелей» становились привилегированными членами армейского сообщества и получали почти неограниченные права. Могли отрастить усы. Могли с утра не ходить на зарядку. Могли курить в казарме. Могли не работать. Их основной обязанностью было поддерживать дисциплину и порядок внутри подразделения и чутко следить за тем, чтобы младшие по призыву исправно выполняли все возложенные на плечи советского солдата обязательства: отбывали наряды, ходили в караулы, драили плац, бегали, куда пошлют, ну и все такое.

Бывшие же «дембеля» становились «цивильными» и являлись априори неприкасаемой кастой, к которой даже офицеры не имели вопросов. Для них служба «де-юре» заканчивалась, и они дожидались, когда их «де-факто» уволят в запас.

И если «дембелей» и «дедушек» били шутя и милостиво по одному разу, чисто символически, то на «духах-черепах» отрывались все. После подобных экзекуций сидеть и лежать на

спине было невозможно дней десять. Ягодицы превращались в сплошное сине-бурое месиво с черными отпечатками пятиконечных звезд, украшавших армейские бляхи.

Обычно после окончания «Перевода» давали импровизированный концерт. Бойцы удивляли своих товарищей как могли: кто-то глотал огонь, кто-то выкручивал суставы, кто то плевал в потолок на меткость, кто-то с высоты второго спального этажа струей мочи мог попасть в обычную трехлитровую банку и не пролить ни капли, кто-то жрал гуталин, кто-то одним духом выпивал бутылку тройного одеколона.

Обычно в эту ночь активизировались мастера-татуировщики и набивали на солдатские тела какие-то каббалистические знаки. Большею частью сюжеты были незамысловаты. Либо группа крови, либо эмблема ГСВГ, либо какая-нибудь художественная заготовка в соответствии с требованиями заказчика и соответствующая техническому уровню подготовки мастера: оскал тигра, кобра в боевой позиции, скорпион или танк в разных ракурсах. Фантазия солдатская была в этом отношении достаточно консервативна.

Набивали рисунки обычной швейной иглой, обмотанной четырьмя спичками, окуная эту конструкцию в черную тушь.

Творческая часть праздника не обошла стороной и Володьку. Узнав о его принадлежности к славному цеху балалаечников, дембеля раздобыли где-то старую гитару и составили список песен, мелодии к которым он должен был разучить.

Первым пунктом стояла песня Александра Барыкина «Я буду долго гнать велосипед», затем – «Лаванда» Софии Ротару, «Утки» Александра Розенбаума, «Ер ин зе ами нау» группы «Генезис» (хит 1987 года), «Трава у дома» группа «Земляне», ну и песенка «Бременских музыкантов». Были и другие заказы.

Однако больше всех беспокоил Володьку татарин Батыр Нургулиев, который еще неделю назад в цеху, как следует приложив его кулаком в ухо, произнес привычную фразу: «Я маму твою ебал, москвич!»

Далее же продолжил:

– Если, блядь, не сыграешь мне татарскую народную песню «Эх сез матур кызлар», я лично тебе очко порву. Понял, череп ебанный?

– Так напой хоть... – со слабой надеждой проблеял Вован-ботан, но, еще раз получив в ухо, заткнулся.

С этой просьбой он дважды обращался к татарам, служившим в его подразделении, но каждый раз нарывался на ответ: «Я маму твою ебал, москвич хуев!».

И продолжался праздник, и лились песни, и наливался алкоголем Батыр Нургулиев, уже трижды ходивший рыгать в поддон для мытья ног, но каждый раз твердо возвращавшийся на своих слегка кривоватых, сухощавых ходилках, торчавших из синих вылинявших трусов.

– А теперь «Эх сез матур кызлар!» – заорал он, дико засвистев, перекрывая пьяное: «А утки уже летят высоко...», которое звучало в пятый раз за вечер. – Давай, ботан! Ты чё, не понял? Ты чё, чмо, русского языка нэ понимаэш? Давай «Эх сез матур кызлар» играй!

И тут же запел по-татарски:

*Дус ишлэрэм уйный колэ.
Мин генэ кэльмим.
Уеннын да ямен тамым
Ни булды, белмим.
Эх сез матур кызлар
Ник шаяртасыз?*

Володя изо всех сил старался подобрать аккорды и нащупать ритм. Но пальцы, огрубевшие от тяжелой работы, таскания гусеничных траков, мытья гор посуды в нарядах по кухне, плохо слушались. Да к тому же играл он стоя, перекинув гитару через плечо на тоненькой веревочке. Сесть не мог ввиду онемевшей от избиения задницы, одно прикосновение к которой вызывало судорогу во всем теле.

Хохот в казарме стоял несусветный.

Колченогий татарин, упившись водки с пивом, крутился вокруг себя, и орал какую-то дикую варварскую чушь. К нему присоединились братья по национальности. И вот уже целый хоровод жилистых косоглазых парней в грязных майках и синих линиях трусах топчется посреди казармы, заламывая руки над головой, и, полузакрыв глаза от удовольствия, орет:

*Юрягимнен януларын
анламыйсыз.
Эх сез матур кызлар
Ник шаяртасыз?*

Вдруг Батыр Нургулиев, как пума, бросился на Вована, сорвал с шеи гитару и обрушил деку прямо на голову молодого солдата:

– Ты чего играешь, сука! Я тебе пальцы нахуй поломаю за то, что такую песню испохабил!

Когда же Володька упал, он сразу от слов перешел к делу. Ухватив пацана за ноги, Батыр вместе с соплеменниками потащил москвича ко входу в казарму, где располагались двери. По старой татаро-монгольской традиции пацаны засунули пальцы горе-музыканта в дверную щель и принялись доказывать «ебаному москвичу» его неправоту в вопросах народной музыкальной культуры, приговаривая: «Я твою маму ебал! Я твою маму ебал!».

Остальным было похуй. Праздник продолжался до глубокой ночи.

На следующий день Володьку забрали в лазарет. Естественно, дело замаяли, а начальству доложили, что молодой боец неизвестно откуда достал бутылку водки, выжрал ее всю под одеялом и упал с лестницы, поламав себе пальцы и отбив зад.

Сам Вован не мог дать никаких показаний, ибо два дня был без сознания. А когда пришел в себя, только и повторял: «Я твою маму ебал! Я твою маму ебал!»

Через две недели его комиссовали с диагнозом «Глубокое психическое расстройство со склонностью к членовредительству».

Узнав о такой беде, прабабушка наконец умерла, и они с мамой стали жить одни в большой квартире на Пречистенке.

Однажды, это было уже в середине двухтысячных, Вован-Ботан отправился с матушкой на прогулку в район Патриарших прудов.

Был жаркий майский день. Серые птицы плавали по воде. На одной из лавок, где когда-то Воланд беседовал с Берлиозом, сидела компания нерусских людей, пила пиво из бутылок и громко не по-нашему разговаривала. Вдруг Володенька встрепенулся. Кто-то из компании громко закричал: «Я его маму ебал!»

«Домой! Домой!» – затрусил головой Вован-ботан и, крепко уцепившись маме в руку, потащил ее прочь.

Всю ночь он дрожал под одеялом от жутких кошмаров, которые обрушивались на него волнами. Владимиру казалось, что всю Москву обступило черное страшное войско. Узкоглазые дикие люди, одетые в грязные майки и вылинявшие синие трусы, окружили их дом. Вот-вот они ворвутся в квартиру для того, чтобы убить и изнасиловать его мать.

Этого он допустить не мог!

В пол пятого утра, когда на улице только забрезжил далекий рассвет, Вован-Ботан тихо пробрался в кладовку, взял утюг, открыл дверь маминной спальни, подошел к кровати и несколько раз тяжелым острием ударил ее в висок. Потом же надругался над уже безжизненным телом.

Затем он вышел на кухню и включил телевизор, стоявший на холодильнике. В телевизоре повторяли концерт, посвященный Дню великой Победы. Певец Газманов исполнял песню «Господа офицеры».

Володя с наслаждением закурил запретную сигарету из пачки покойной матушки и, как бы отвечая всем тем, кто посягал на ее честь и достоинство, заявил: «Не будете вы ебать мою мать, чурки узкоглазые!»

Потом же принялся подпевать Газманову: «За Россию и свободу – до конца! Офицеры – россияне, пусть свобода воссияет, заставляя в унисон стучать сердца!»

Он смотрел телевизор три дня подряд и посчитал, что за это время Газманов там показывался сто восемнадцать раз. Ручкой ставил палочки на газете «Комсомольская правда», лежащей на столе. Он любил этого исполнителя и наизусть знал весь его репертуар, начиная от «Пропала собака» и заканчивая «Мои мысли, мои скакуны».

Он и теперь поет Газманова в московской психиатрической больнице № 2 имени Кебрикова. Не верите? Можете сами пойти удостовериться. Палата номер 18. Пациент – Владимир Евгеньевич Сучкин. Последний из древнего княжеского рода Мусиных-Пушкиных.

Такая вот грустная русская сказка.

Киев, июль 2015 г.

Сказ о бурятском паспорте и радиоактивном полонии

Согласно Конституции, Республика Бурятия – демократическое правовое государство, входящее в состав Сибирского федерального округа. Но сами буряты о своем правовом статусе и демократических принципах, провозглашенных в стране, догадываются слабо. О чем свидетельствует история, которую я вам сейчас и расскажу.

Произошла она неподалеку от села Мухоршибирь Мухоршибирского района, расположенного километрах в пятидесяти от границы с Северной Монголией. Край этот сплошь покрытый сопками, на которых весной буйно цветет рододендрон даурский, более известный как багульник, воспетый в советских песнях периода геологического бума середины-конца шестидесятых годов. Много геологов тогда пропало в мухоршибирском районе. Старцы называют, что кости их и пустые бутылки от водки старого образца вплоть до начала девяностых годов находили в среднем течении реки Хилок, в пойме которой они неоднократно пытались провести пробные бурения, в надежде наткнуться на нефтяные или газовые месторождения. Но в результате наткнулись на недоверие и непонимание со стороны местного населения, которое постоянно рассказывало им байки о каком-то мифическом богатыре Хамбо-Дамбо, который будто бережет покой этого края. Тем же, кто нарушает его тишину, пусть даже песнями Владимира Высоцкого, не говоря уже о бардовских творениях Визбора и Окуджавы, выписывает таких пиздюлей, что похлеще партийной организации в Большом театре будет!

А в Большом театре парторганизация ох как крута! Только, бывало, не ту ноту возьмешь или ногу в танце маленьких лебедей на пару сантиметров ниже поднимешь, и все – прощай гастролы в Японии, Мексике или Южной Корее. Не видать тебе из-за этого подержанной «Тойоты» с правым рулем, как собственных голосовых связок без фониатрического зеркала. Но это я так... Сгущаю краски, чтобы страху большего на читателя нагнать.

В Бурятии оно всегда проще и менее изощренное было. Тут испокон веку практиковалось не психическое давление, а самое что ни на есть прямое физическое насилие над личностью в лучших демократических традициях северо-монгольского края. Вот, например, был такой способ увещевания: человека в чем провинившегося, связывали по рукам и ногам и сажали в чан, под которым разводили огонь. Пока водичка закипала, грешник имел возможность пораскинуть мозгами о своих моральных принципах строителя коммунизма, и, при необходимости, внести определенные коррективы в матричную программу основных поведенческих установок. Если такое случалось, то воспитуемого доставали из чана и приводили в чувства. Если же мерзавец был неисправим и продолжать орать: «Ой, Вань, гляди-ка, попугайчики!», «Виноградную косточку в теплую землю зарюю» или «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!», то воду доводили до кипения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.